ВОЙНА СЭМА

Strog

ВОЙНА СЭМА

«Автор»
2026

Strog

ВОЙНА СЭМА / Strog — «Автор», 2026

1977 год. Затяжная война между США и Японией, превратила Тихий океан в бесконечную бойню. Двадцатилетний рядовой Сэм искренне верит, что защищает правое дело, шагая в глухих зеленых комбинезонах навстречу технологическому изяществу вражеской брони. Но масштабная десантная операция оборачивается западней. Оглушающий багровый дым лишает отряд воли, а пробуждение наступает в стерильном хирургическом кошмаре Империи, где пленных солдат превращают в послушных биомеханических монстров. Наполовину измененный, чудом избежавший полной аугментации, Сэм вырывается на свободу. Он оказывается один в самом сердце врага — в дышащем неоном, чужом и смертельно опасном Токио. Чтобы выжить без знания языка и оружия, вчерашнему мальчишке придется смыть армейскую краску, затеряться среди местных жителей и научиться дышать их воздухом. Это глубокая и кинематографичная история о партизанской войне в мегаполисе, где грань между человеком и машиной стирается, а выживание требует тяжелых, моральных решений.

© Strog, 2026
© Автор, 2026

Strog
ВОЙНА СЭМА

==========

В О Й Н А С Э М А роман об одном рядовом и одной войне ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПРАВИЛА

==========

«Врагом называют человека, которого ты ещё не научился слушать. Когда научишься — он становится либо другом, либо зеркалом. Чаще всего — и тем и другим.» — из тетради, найденной в Токио, 1977 г.

Несколько слов перед началом

Эту книгу можно прочесть за вечер как историю о войне. Её можно прочесть второй раз как историю о том, что остаётся от человека, когда с него снимают всё, что он считал собой. А при третьем чтении, возможно, обнаружится, что почти каждое правило, которое произнесёт в первой главе сержант, будет нарушено, разгадано и перевёрнуто к последней. Следите за руками. Следите за счётом. Следите за тем, кто на самом деле говорит «да».

==========

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРАВИЛО ПЕРВОЕ «Если вас отрезали от своих — вы не герой»

==========

Сентябрь 1977 года

Сержант Брукс не любил начинать с хороших новостей, потому что их у него не было.

Он стоял перед тридцатью двумя новобранцами под брезентовым навесом, и дождь барабанил по натянутому полотну так ровно, будто кто-то отсчитывал время. Пахло мокрой шерстью, оружейным маслом и дешёвым кофе из полевой кухни. Сэм сидел во втором ряду на ящике из-под патронов и старался не шевелить затёкшей ногой. Если шевельнёшь, ящик скрипнет. Если скрипнет, Брукс посмотрит. А когда Брукс смотрит, чувствуешь себя так, словно тебя уже внесли в какой-то список.

— Забудьте всё, чему вас учили на полигоне, — сказал Брукс. — На полигоне в вас не стреляют по-настоящему. А там, — он ткнул пальцем на запад, где за мокрой пеленой лежало море, а за морем Япония, — будут стрелять. И не только стрелять.

Он говорил негромко, без выражения, как человек, который произносил эту речь много раз и каждый раз хоронил после неё кого-то из слушателей. Сэм заметил, что у сержанта дрожит мизинец на левой руке. Брукс спрятал руку за спину.

— Правило первое. Если вас отрезали от своих — вы не герой. Вы мишень. Героев рисуют на плакатах. Ваша задача — не умереть и не попасть в плен. В таком порядке.

Кто-то в заднем ряду нервно хмыкнул. Брукс не повернул головы.

— Правило второе. Не бегите на звук. Не бегите на свет. Не бегите на голос, даже если он зовёт вас по имени и говорит по-английски без акцента. У них есть люди, которые учились в Калифорнии. У них есть записи. У них есть всё, что нужно, чтобы вы пошли туда, куда не следует.

Сэм слушал и думал о матери. Не о ней самой — о том, как она стояла на крыльце в Огайо, когда он уезжал: в старом халате, с кружкой, и не помахала рукой, потому что обе руки были заняты кружкой, а она не знала, что с ней сделать. Он тогда решил, что запомнит это на всю жизнь. Двадцать лет — хороший возраст для таких решений. В двадцать ты уверен, что память — это то, чем можно распоряжаться.

— Правило третье. — Брукс выдержал паузу, и в ней стало слышно, как капли срываются с края навеса. — Если у вас нет выхода, сожгите карту, сломайте рацию и уничтожьте всё, что может рассказать им, откуда вы пришли. Всё. Даже письма из дома.

Рука Сэма сама потянулась к нагрудному карману. Там лежало письмо, сложенное вчера вечером. Он перечитывал его столько раз, что бумага на сгибах стала мягкой, как ткань.

— А если нас возьмут? — спросил парень слева. Его звали Дэнни Ковальски, ему было девятнадцать, он был родом из Чикаго, и он ещё не научился скрывать, что ему страшно.

Брукс посмотрел на него долго.

— Назовёте имя, звание и номер. Больше ничего. Что бы вам ни говорили, что бы вам ни показывали. — Он помолчал. — Но я скажу вам честно, рядовой. Не всех, кого берут, допрашивают. Некоторых они берут для другого.

Никто не спросил, для чего. И Сэм понял, что все вокруг поняли это одинаково: лучше не знать.

Позже, много позже, он будет вспоминать этот день и удивляться, насколько точным оказался этот человек. Брукс не солгал ни в одном слове. Он просто не мог объяснить главного: что правила — это не броня. Правила — это форма, в которую тебя заливают, пока ты ещё мягкий. А потом ты твердеешь, и однажды оказывается, что то, что ты считал собой, было всего лишь отливкой.

После инструктажа они молча пили кофе, стоя в грязи под дождём. Дэнни рассказывал что-то о своей девушке из Чикаго, но Сэм почти не слушал. Он смотрел на лагерь: на ряды палаток цвета болотной травы, на грузовики, на мокрые флаги, обвисшие, как тряпки. Эту войну называли затяжной, и слово было точным до отвращения. Она началась задолго до того, как Сэм научился читать газеты, и к двадцати годам стала для него чем-то вроде климата. Её не ждали и не боялись, к ней привыкали, как к зиме.

Американские боевые костюмы были глухого зелёного цвета, плотные, тяжёлые, пахнущие резиной и чужим потом. Каска давила на лоб. Винтовка M16 в руках уже казалась продолжением тела: Сэм собирал и разбирал её с закрытыми глазами, как молитву, которую повторяешь не для того, чтобы верить, а для того, чтобы не думать.

О японской броне им рассказывали отдельно. Тоже зелёная, но другая: гладкая, облегающая, с вытравленными на пластинах узорами — то ли цветочными, то ли схематичными, — и в сумерках эти узоры будто светились изнутри. Дэнни говорил, что они похожи на листья папоротника. Сэму они напоминали электрические платы.

— Красиво, — сказал Дэнни однажды, разглядывая фотографию.

— Это красиво до тех пор, пока оно не идёт на тебя, — ответил Сэм.

Он и сам не знал, откуда взялась эта фраза. Но она ему понравилась. Ему и в голову не пришло, что чем-то подобным человек защищается от самого себя: назвать красоту опасной, чтобы не признать, что она притягивает.

Вечером Сэм достал письмо в последний раз. Оно было от матери, и ничего важного в нём не было: про соседскую собаку, про погоду, про то, что она купила новую кастрюлю. «Не забывай есть», — писала она, и эта фраза была единственным, что связывало его с миром, в котором у людей были кастрюли и собаки. Он перечитал её дважды. Потом сложил письмо и сунул обратно.

Брукс сказал: сожгите всё, даже письма из дома.

Сэм решил, что сожжёт его потом. Когда придёт время.

Он не знал, что время придёт быстрее, чем он думает. И что сжечь придётся не письмо.

Высадка началась до рассвета.

Море было серым, вязким, словно налитым свинцом, и десантные баржи шли в нём тяжело, поднимая носом грязную пену. Сэм сидел плечом к плечу с Дэнни и ещё десятью людьми, и никто не разговаривал. Над головой, невидимые в темноте, гудели самолёты. Далеко впереди небо мигало красным, беззвучно, как в немом кино.

Потом долетели звуки: глухие удары, один за другим. Земля, которой ещё не было видно, уже принимала на себя чужие снаряды.

Лейтенант Харпер, командир их отряда, сидел на корточках у трапа. Это был худой человек лет тридцати пяти с лицом школьного учителя, и Сэм почему-то доверял ему больше, чем следовало. Харпер обернулся и коротко оглядел своих.

— Слушайте внимательно. Мы не пойдём на пляж со всеми. — Он говорил так тихо, что приходилось подаваться вперёд. — После высадки уходим на север вдоль дамбы, потом в глубину. Двадцать километров. Нам нужна точка, которую мне покажут на месте. Что там — не спрашивайте. Я и сам не знаю.

Дэнни вопросительно посмотрел на Сэма. Сэм пожал плечами.

Трап ударился о бетон. В лицо хлынул холодный воздух, пахнущий дымом и солью, и мир распался на короткие, нарезанные кусочки: вспышка справа, чей-то крик, мокрый песок под ботинками, тёмная громада дамбы, вода по колено, M16 в руках, сухой толчок отдачи. Сэм стрелял, не целясь, и только потом заметил, что делает это ровно так, как учили, короткими очередями. Руки помнили то, что голова не успевала понять.

Они прорвались сквозь первую линию так легко, что это было странно. Слишком легко. Харпер, видимо, подумал о том же: Сэм увидел, как лейтенант на бегу оглянулся на пустые японские окопы, полузасыпанные и безмолвные, и нахмурился.

Но приказ есть приказ. Они ушли вглубь.

Два дня они шли по чужой земле.

Земля эта была странной. Рисовые поля, залитые водой и отражавшие небо, как зеркала. Узкие дороги с аккуратными бетонными обочинами. Столбы линий передач, уходящие в туман ровными рядами. Всё здесь было слишком организованным, слишком чистым, словно сама местность следила за ними.

На вторую ночь они остановились в заброшенной ферме. Дэнни растирал ноющие ступни и вполголоса ругался. Харпер сидел у окна и смотрел на дорогу.

— Лейтенант, — тихо сказал Сэм, присаживаясь рядом. — Вам не кажется, что здесь слишком тихо?

Харпер не обернулся.

— Кажется, рядовой, — ответил он. — Ещё с самого берега.

Это было всё, что он сказал. Но в тот момент Сэм впервые подумал о том, что их ведут. Что дамба была пуста не потому, что японцы отступили. И что чем легче идёшь, тем дальше тебя пускают.

На третье утро над рисовыми полями поднялся туман.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТУМАН

Первый дым Сэм принял за туман.

Он стелился над полем низко, молочно, и отряд вошёл в него, потому что другого пути не было: слева канал, справа отвесная стена бетона. Харпер поднял кулак. Все замерли. Сэм успел подумать, что дым пахнет чем-то сладковатым, как перезрелые груши, и что в инструктаже про такой запах не было ни слова.

— Маски, — сказал Харпер. — Надеть маски.

Сэм потянулся к подсумку. Пальцы не слушались, будто их набили ватой. Он видел, как Дэнни, неловко согнувшись, пытается натянуть резиновую маску и никак не попадает ремнями на затылок. Видел, как сержант Брукс, который шёл с ними, потому что кому-то наверху показалось, что в такой операции нужен опытный человек, медленно опустился на одно колено, словно собирался завязать шнурок.

Потом земля встала дыбом и ударила Сэма в лицо.

Последнее, что он увидел, было небо, мутное, зеленовато-серое. И над краем канала, в дымной пелене, — силуэты. Высокие, ровные, в гладкой броне, по которой бежали светящиеся узоры, похожие на лозу. Они шли не торопясь. Им некуда было торопиться.

Сэм подумал, очень отчётливо, как думают в последнюю секунду перед сном: «Вот оно как. Просто». И темнота приняла его.

Он пришёл в себя от холода.

Холод был не такой, как на улице. Стерильный, выверенный, он шёл от металла под спиной и от воздуха, который пах спиртом и озоном, как в больнице, где ему когда-то удаляли гланды. Сэм попытался пошевелиться и не смог. Запястья, лодыжки, грудь, лоб были стянуты широкими кожаными ремнями. Голова повернулась ровно настолько, чтобы увидеть потолок: белый, с рядами ламп, горящих ровным, безжалостным светом.

Кричать он не стал. Это его удивило. Тело, видимо, знало что-то, чего не знал он: сначала смотреть.

Помещение было огромным. Бетонные стены, выкрашенные белой краской, кафельный пол со стоком посередине, ряды хирургических столов, на которых лежали люди. Человек тридцать, может, сорок. Американцы, в расстёгнутых зелёных костюмах, с обнажёнными торсами. Над каждым столом нависала конструкция из блестящих рычагов, суставчатая, как лапа насекомого.

А на стенах висели чертежи.

Они занимали всё: от пола до потолка, слой за слоем, как обои в старом доме. Анатомические листы в человеческий рост, подписанные тонкими японскими иероглифами и, ниже, мелким латинским шрифтом. Человеческий скелет — и рядом тот же скелет, но с продолжениями: стальные тяги вдоль позвоночника, пластины вместо рёбер, сочленения, которых у людей не бывает. Разрез грудной клетки, где рядом с лёгкими пульсировали аккуратно нарисованные ёмкости с проводами. Нервная система, прорисованная красным, и поверх неё синим — вторая, чужая, подведённая к каждому нерву. Схемы, стрелки, цифры.

На одном плакате была изображена череда фигур слева направо: человек; человек с полоской швов на шее; человек со стальным позвоночником; существо, которое уже нельзя было назвать человеком. Подпись под последней фигурой Сэм прочитать не смог. Но понял её сразу, как понимают слово «ожог» или «яма».

Он смотрел на плакат и ловил себя на странной мысли: художник был мастером. Линии были точными, нежными, почти любовными. Тот, кто это рисовал, любил человеческое тело. Любил настолько, что не мог оставить его в покое.

Тишину нарушал только тонкий, ровный писк приборов.

Они работали негромко. Сэм увидел их не сразу: фигуры в светлых халатах и масках двигались между столами спокойно, без суеты, как садовники между грядками. Один что-то говорил, второй кивал и записывал. Никакой злобы, никакого ликования. И это было хуже всего. Если бы они смеялись, это было бы чудовищно, но понятно. Они не смеялись. Они трудились.

На соседнем столе лежал Дэнни.

Сэм узнал его по часам: дешёвым, с потёртым ремешком, которые Дэнни носил с шестнадцати лет и из-за которых ругался с сержантом. Часы всё ещё были на его запястье. Над ним

склонились двое. Один из хирургов поднял тонкий инструмент, похожий на длинную иглу, и коротко сказал что-то. Второй ответил. Дэнни открыл глаза.

Он был в сознании. Сэм понял это по тому, как расширились его зрачки, как дрогнул подбородок. Дэнни смотрел на потолок, потом перевёл взгляд, нашёл Сэма и застыл.

— Сэм, — сказал он одними губами. Голос был детский, обиженный, как у ребёнка, которого забыли забрать из школы. — Сэм, мне...

Игла вошла в основание шеи. Дэнни выгнулся дугой, ремни натянулись, и по залу прокатился звук, которого Сэм не забудет до смерти: не крик, не стон, а долгий, сдавленный выдох, будто из человека выпускали воздух. Потом он обмяк. Потом, через минуту или час, его пальцы дрогнули. Дрогнули ещё раз. Дэнни сел.

Он сел ровно, одним движением, без помощи рук. Повернул голову, медленно, на градус больше, чем должна поворачиваться человеческая шея. Лицо его осталось прежним: лицо парня из Чикаго, у которого дома ждала девушка. Но глаза стали пустыми и очень внимательными, как стекло объектива.

Хирург сказал что-то. Дэнни встал. Повернулся к нему всем телом. Опустил голову.

И Сэм услышал слово, которое потом будет слышать во сне. Не «да» по- английски. Не приказ и не мольба. Короткое, тихое, ровное слово на языке, которого Дэнни не знал: «хай».

Сэм закрыл глаза. Ему показалось, что это поможет. Но слух остался.

Он не знал, сколько прошло времени.

Это была первая мысль, которая вернула его к самому себе: что он считает. Раз, два, три. По дыханию, по писку приборов, по шагам. Сержант Брукс говорил: «Если вас взяли, считайте. Время — единственное, что у вас остаётся». Брукс лежал через два стола. Сэм видел его ногу в расстёгнутом ботинке. Больше он не смотрел.

К ним подходили по очереди. Хирурги не торопились, обходили столы, останавливались, делали пометки на планшетах. Один из них, высокий, сутулый, с серебристой полоской в волосах под колпаком, остановился над Сэмом дольше других. Он склонился, и Сэм увидел его глаза над маской: усталые, умные, добрые. Добрые — и это было невыносимо. Человек смотрел на него так, как смотрят на редкую ткань, которую жалко пустить в дело не по назначению.

Он сказал что-то коротко. Другой хирург что-то отметил.

Потом высокий положил ладонь Сэму на лоб. Просто положил, на секунду, холодной сухой ладонью. Сэм не понял этого жеста. Много недель спустя он поймёт, что это было единственное, что в том зале осталось человеческого, и что именно оно спасёт ему жизнь. Но тогда он только смотрел вверх и считал: сто сорок два, сто сорок три, сто сорок четыре.

Прибор над его головой зажужжал. Тонкий металлический палец опустился к его шее. Сэм почувствовал холод на коже, там, где позвоночник уходит в череп, и острую, чистую боль, как от укуса льдом.

И в этот момент где-то далеко, за стенами, за бетоном, за сотнями метров земли, глухо ударило. Один раз. Потом другой. Свет мигнул.

Высокий хирург поднял голову. Что-то быстро сказал по-японски, и остальные, все разом, замерли.

Сэм не знал, что это было: бомбардировка, диверсия, сбой электричества. Он не знал, что в ближайшие часы мир, который он знал, исчезнет, и что на его месте окажется другой: с чужими улицами, чужими лицами, чужим небом, под которым ему придётся научиться дышать. Он знал только одно, с той ясностью, с какой человек знает собственное имя.

Он не хочет быть следующим.

Но была и вторая мысль, тише и страшнее. Лёжа в ремнях, под белым светом, в зале, где людей превращали в вещи, Сэм вдруг подумал: а если я уже следующий? Если то, что сейчас

вошло в него холодной иглой, уже начало делать своё дело? Как узнать, где кончается он и начинается то, что в него вложили? Как человек вообще узнаёт, что он — это он?

Свет мигнул снова. Ремень на его правом запястье, старый, потёртый, с треснувшей застёжкой, чуть дрогнул.

И Сэм впервые в жизни начал думать не о том, как не умереть, а о том, как не стать тем, чем его хотят сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.